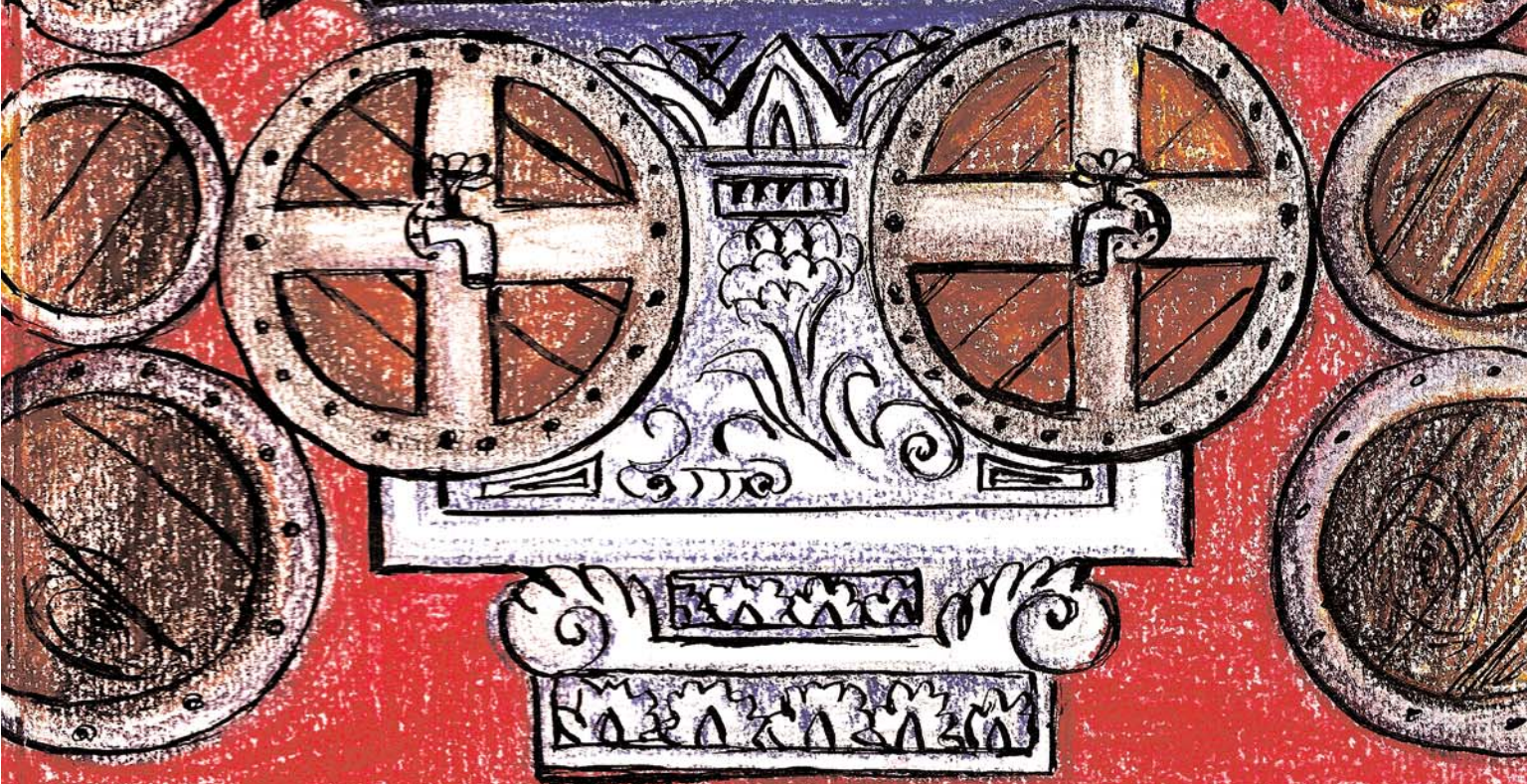

— ФРАНСУА РАБЛЕ

Гаргантюа
и
Пантагрюэль

ФРАНСУА РАБЛЕ

Гаргантюа И Пантагрюэль

Перевод с французского

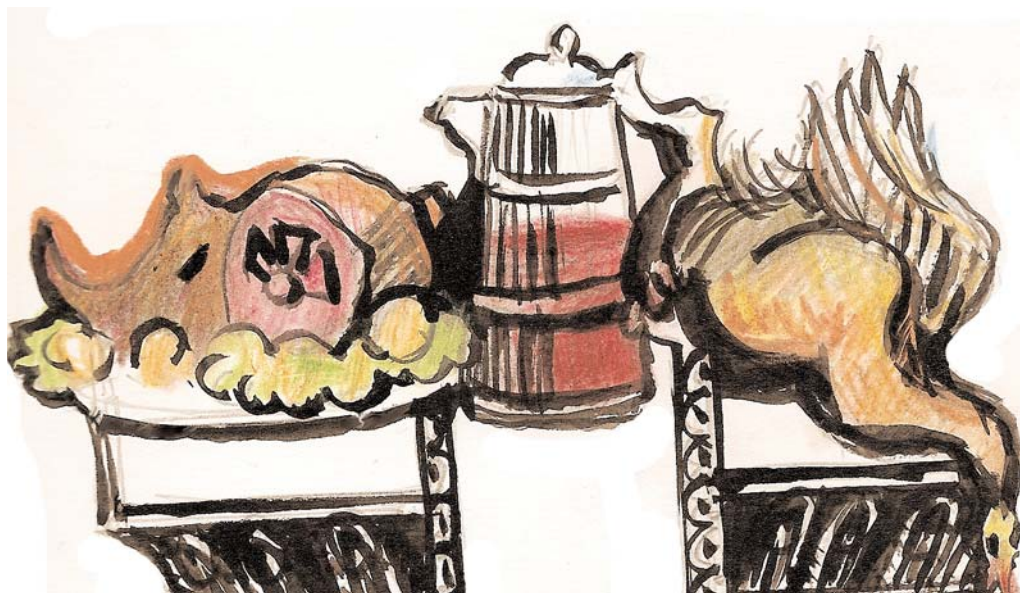

Москва
МГУП
2007

К читателям

*Читатель, друг! За эту книгу сев,
Пристрастия свои преодолей,
Да не введет она тебя во гнев;
В ней нет ни злобы, ни пустых затей.
Пусть далеко до совершенства ей,
Но посмешишь ты ее с успехом.
Раз ты тоскуешь, раз ты чужд утехам,
Я за иной предмет не в силах взяться:
Милей писать не с плачем, а со смехом,
Ведь человеку свойственно смеяться.*

От автора

Достославные пьяницы и вы, досточтимые венерики (ибо вам, а не кому другому, посвящены мои писания)! В диалоге Платона под названием Пир Алкивиад, восхваляя своего наставника Сократа, поистине всем философам философа, сравнил его, между прочим, с силенами. Силенами прежде назывались ларчики вроде тех, какие бывают теперь у аптекарей; сверху на них нарисованы смешные и забавные фигурки, как, например, гарпии, сатиры, взнузданные гуси, рогатые зайцы, утки под выючным седлом. крылатые козлы, олени в упряжке и разные другие занятные картинки, вызывающие у людей смех, - этим именно свойством и обладал Силен, учитель доброго Бахуса, - а внутри хранились редкостные снадобья, как то: меккский бальзам, амбра, амом, мускус, цибет, порошки из драгоценных камней и прочее тому подобное. Таков, по словам Алкивиада, и был Сократ: если бы вы обратили внимание только на его наружность и стали судить о нем по внешнему виду, вы не дали бы за него и ломаного гроша - до того он был некрасив и до того смешная была у него повадка: нос у него был курносый, глядел он

исподлобья, выражение лица у него было тупое, нрав простой, одежда грубая, жил он в бедности, на женщин ему не везло, не был он способен ни к какому роду государственной службы, любил посмеяться, не дурак был выпить, любил подтрунить, скрывая за этим божественную свою мудрость. Но откройте этот ларец – и вы найдете внутри дивное, бесценное снадобье: живость мысли сверхъестественную, добродетель изумительную, мужество неодолимое, трезвость беспримерную, жизнерадостность неизменную, твердость духа несокрушимую и презрение необычайное ко всему, из-за чего смертные так много хлопочут, суетятся, трудятся, путешествуют и воюют. А посему раскройте мою книгу и вдумайтесь хорошенько, о чем в ней говорится. Тогда вы уразумете, что снадобье, в ней заключенное, совсем не похоже на то, какое сулил ларец; я хочу сказать, что предметы, о которых она толкует, вовсе не так нелепы, как можно было подумать, прочитав заглавие.

Положим даже, вы там найдете вещи довольно забавные, если понимать их буквально, вещи, вполне соответствующие заглавию, и все же не заслушивайтесь вы пенья сирен, а лучше истолкуйте в более высоком смысле все то, что, как вам могло случайно показаться, автор сказал спроста.

Вам когданибудь приходилось откупоривать бутылку? Дьявольщина! Вспомните, как это было приятно. А случилось ли вам видеть собаку, нашедшую мозговую кость? (Платон во II кн. De гер. утверждает, что собака – самое философское животное в мире.) Если видели, то могли заметить, с каким благоговением она сторожит эту кость, как ревниво ее охраняет, как крепко держит, как осторожно берет в рот, с каким вкусом разгрызает, как старательно высасывает. Что ее к этому понуждает? На что она надеется? Каких благ себе ожидает? Решительно никаких, кроме капельки мозгу. Правда, эта «капелька» слаще многого другого, ибо, как говорит Гален в III кн. Facu. natural. и в XI De usu parti., мозг – это совершеннейший род пищи, какою нас наделяет природа.

По примеру вышеупомянутой собаки вам надлежит быть му-

дрыми, дабы унюхать, почуять и оценить эти превосходные, эти лакомые книги, быть стремительными в гоне и бесстрашными в схватке. Затем, после прилежного чтения и долгих размышлений, вам надлежит разгрызть кость и высосать оттуда мозговую субстанцию, то есть то, что я разумею под этим пифагорейским символом, и вы можете быть совершенно уверены, что станете от этого чтения и отважнее и умнее, ибо в книге моей вы обнаружите совсем особый дух и некое, доступное лишь избранным, учение, которое откроет вам величайшие таинства и страшные тайны, касающиеся нашей религии, равно как политики и домоводства.

Неужто вы в самом деле придерживаетесь того мнения, что Гомер, когда писал Илиаду и Одиссею, помышлял о тех аллегориях, которые ему приписали Плутарх, Гераклид Понтийский, Евстафий, Корнут и которые впоследствии у них же выкрал Полициано? Если вы придерживаетесь этого мнения, значит, мне с вами не по пути, ибо я полагаю, что Гомер так же мало думал об этих аллегориях, как Овидий в своих Метаморфозах о христианских святынях, а между тем один пустоголовый монах, подхалим, каких мало, тщился доказать обратное, однако ж другого такого дурака, который был бы ему, как говорится, под стать, не нашлось.

Если же вы смотрите иначе, то все таки отчего бы вам и почему бы вам не сделать того же с моими занятными в необыкновенными повестями, хотя, когда я их сочинял, я думал о таких вещах столько же, сколько вы, а ведь вы, уж верно, насчет того, чтобы выпить, от меня не отстанете? Должно заметить, что на сочинение этой бесподобной книги я потратил и употребил как раз то время, которое я себе отвел для поддержания телесных сил, а именно – для еды и питья. Время это самое подходящее для того, чтобы писать о таких высоких материях и о таких важных предметах, что уже прекрасно понимали Гомер, образец для всех филологов, и отец поэтов латинских Энний, о чем у нас есть свидетельство Горация, хотя какой то межеумок и объявил, что от его стихов пахнет не столько елеем, сколько вином.

То же самое один паршивец сказал и о моих книгах, – а, да ну его в задницу! Насколько же запах вина соблазнительнее, пленительнее, восхитительнее, животворнее и тоньше, чем запах елеля! И если про меня станут говорить, что на вино я трачу больше, чем на масло, я возгоржусь так же, как Демосфен, когда про него говорили, что на масло он тратит больше, чем на вино. Когда обо мне толкуют и говорят, что я выпить горазд и бутылке не враг, – это для меня наивысшая похвала; благодаря этой славе я желанный гость в любой приятной компании пантагрюэлистов. Демосфена один брюзга упрекнул в том, что от его речей пахнет, как от фартука грязного и замызанного маслобойщика. Ну, а уж вы толкуйте мои слова и поступки в самую что ни на есть лучшую сторону, относитесь с уважением к моему творогообразному мозгу, забавляющему вас этими рассказами, и по мере сил ваших поддерживайте во мне веселое расположение духа.

Итак, мои милые, развлекайтесь и – телу во здравие, почкам на пользу – веселитесь, читая мою книгу. Только вот что, балбесы, чума вас возьми: смотрите не забудьте за меня выпить, а уж за мной дело не станет!

Повесть
о преужасной жизни
великого Гаргантюа,
отца Пантагрюэля,
некогда сочиненная
магистром
Алькофрибасом Назье,
извлекателем квинтэссенции,
книга,
полная пантагрюэлизма.

Глава I. О генеалогии и древности рода Гаргантюа.

Желающих установить генеалогию Гаргантюа и древность его рода я отсылаю к великой Пантагрюэльской хронике. Она более обстоятельно расскажет вам о том, как появились на свете первые великаны и как по прямой линии произошел от них Гаргантюа, отец Пантагрюэля. И вы уж на меня не пеняйте за то, что сейчас я не буду на этом останавливаться, хотя история эта сама по себе такова, что чем чаще о ней вспоминать, тем больше бы она пришлась вашим милостям по вкусу, и в доказательство я сошлюсь на Филеба и Горгия Платона, а также на Флакка, который утверждает, что чем чаще повторять иные речи (а мои речи, разумеется, именно таковы), тем они приятнее.

Дай Бог, чтоб каждому была столь же доподлинно известна его родословная от Ноева ковчега и до наших дней! Я полагаю, что многие из нынешних императоров, королей, герцогов, князей и пап произошли от каких нибудь мелких торговцев реликвиями или же корзинщиков и, наоборот, немало жалких и убогих побирušек из богаделен являются прямыми потомками великих королей

и императоров, - достаточно вспомнить, как поразительно быстро сменили

ассириян - мидяне,
мидян - персы,
персов - македоняне,
македонян - римляне,
римлян - греки,
греков - французы.

Что касается меня, то я, уж верно, происхожу от какогонибудь богатого короля или владетельного князя, жившего в незапамятные времена, ибо не родился еще на свет такой человек, который сильнее меня желал бы стать королем и разбогатеть, - для того чтобы пировать, ничего не делать, ни о чем не заботиться и щедрой рукой одарять своих приятелей и всех порядочных и просвещенных людей. Однако ж я себя утешаю, что в ином мире я непременно буду королем, да еще столь великим, что сейчас и помыслить о том не смею. Придумайте же и вы себе такое или даже еще лучшее утешение в несчастье и пейте на здоровье, коли есть охота.

Возвращаясь к нашим баранам, я должен сказать, что по великой милости божьей родословная Гаргантюа с древнейших времен дошла до нас в более полном виде, чем какая либо еще, не считая родословной Мессии, но о ней я говорить не намерен, ибо это меня не касается, тем более что этому противятся черти (то есть, я хотел сказать, клеветники и лицемеры). Сия родословная была найдена Жаном Одо на его собственном лугу близ Голо, пониже Олив, в той стороне, где Нарсе, при следующих обстоятельствах. Землекопы, которым он велел выгрести ил из канав, обнаружили, что их заступы упираются в огромный бронзовый склеп длины невероятной, ибо конца его так и не нашли, - склеп уходил куда то далеко за вьеннские шлюзы. В том самом месте, над которым был изображен кубок, а вокруг кубка этрусскими буквами написано: *Nis bibitur*, склеп решили вскрыть и обнаружили девять фляг в таком порядке, в каком гасконцы расставляют кегли, а под средней

флягой оказалась громадная, громоздкая, грязная, грузная, красивая, малюсенькая заплесневелая книжица, пахнувшая сильнее, но, увы, не слаще роз.

Вот эта книжица и заключала в себе вышеупомянутую родословную, всю целиком написанную курсивным письмом, но не на пергаменте, не на воощенной табличке, а на коре вяза, столь, однако, обветшавшей, что на ней почти ничего нельзя было разобрать.

Аз многогрешный был туда зван и, прибегнув к помощи очков, применив тот способ чтения стершихся букв, коему нас научил Аристотель, разобрал их все, в чем вы и удостоверитесь, как скоро начнете пантагрюэльствовать, то есть потягивать из бутылочки, потягивать да почитать о престрашных деяниях Пантагрюэля.

В конце книги был обнаружен небольшой трактат под названием Целительные безделки. Начало этой истории погрызли крысы, тараканы и, чтобы сказать - не соврать, другие вредные твари. Остальное я из уважения к древности найденного творения при сем прилагаю. Грангузье был в свое время большой шутник, по тогдашнему обычаю пил непременно до дна и любил закусить солененьким. На сей предмет он постоянно держал основательный запас майнцской и байоннской ветчины, немало копченых бычьих языков, в зимнее время уйму колбас, изрядное количество солонины с горчицей, на крайний же случай у него была еще икра и сосиски, но не болонские (он боялся ломбардской отравы), а бигоррские, лонгонейские, брэннские и руаргские.

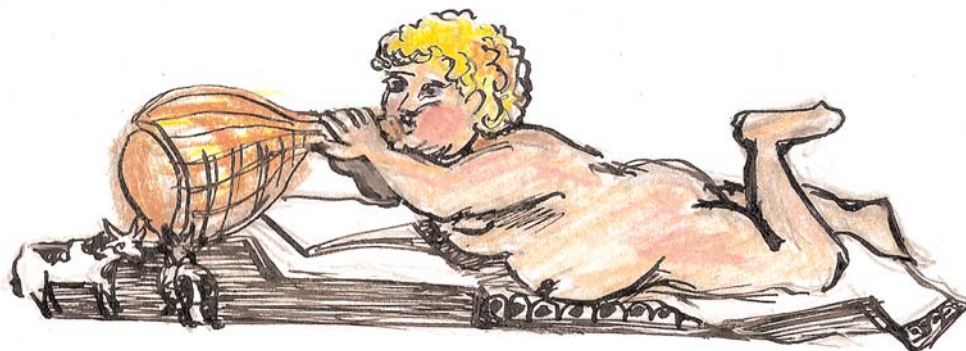
Уже в зрелом возрасте он женился на Гаргамелле, дочери короля мотылькотов, девице из себя видной и пригожей, и частенько составляли они вместе животное о двух спинах и весело терлись друг о друга своими телесами, вследствие чего Гаргамелла зачала хорошего сына и проносила его одиннадцать месяцев.

Должно заметить, что женщины вполне могут столько носить, и даже еще больше, особливо если это ктонибудь из ряда вон выходящий, кому назначены в удел великие подвиги. Так, Гомер говорит, что младенец, коего нимфа понесла от Нептуна, родился

через год, то есть спустя двенадцать месяцев. Между тем, как указывает в книге III Авл Геллий, длительный этот срок в точности соответствовал величию Нептуна, ибо Нептунов младенец только за такой промежуток времени и мог окончательно сформироваться. По той же причине Юпитер продлил ночь, проведенную им с Алкменой, до сорока восьми часов, а ведь в меньший срок ему бы не удалось выковать Геркулеса, избавившего мир от чудищ и тиранов.

Господа древние пантагрюэлисты подтверждают сказанное мною и объявляют, что ребенок вполне может родиться от женщины спустя одиннадцать месяцев после смерти своего отца и что его, разумеется, должно признать законнорожденным.

Глава VII.

О том, как Гаргантюа было дано имя и как он стал посасывать вино.

Добрый Грангузье, выпивая и веселясь с гостями, услышал страшный крик, который испустил его сын, появившись на свет. «Лакать! Лакаать! Лакать!» – зывал ревущий младенец. Тогда Грангузье воскликнул: «Ке гран тю а!..» – что означало: «Ну и здоровенная же она у тебя!..» Он имел в виду глотку. Присутствовавшие заметили, что по образцу и примеру древних евреев младенца, конечно, нужно назвать Гаргантюа, раз именно таково было первое слово, произнесенное отцом при его рождении. Отец изъявил свое согласие, матери это имя тоже очень понравилось. А чтобы унять ребенка, ему дали тяпнуть винца, затем окунули в купель и по доброму христианскому обычаю окрестили.

Между тем из Понтия и Бремона было доставлено семнадцать тысяч девятьсот тринадцать коров, каковые должны были поить его молоком, ибо во всей стране не нашлось ни одной подходящей кормилицы – так много молока требовалось для его кормления. Впрочем, иные ученые скоттисты утверждали, что его выкормила мать и что она могла нацедить из своих сосцов тысячу четыреста

две бочки и девять горшков молока зараз, однако это неправдоподобно. Сорбонна сочла такое мнение предосудительным, благочестивый слух оскорбляющим и припахивающим ересью.

Так прошел год и десять месяцев, и с этого времени по совету врачей ребенка начали вывозить, для чего некий Жан Денио смастерил прелестную колясочку, в которую впрягали волов. В этой самой колясочке младенец лихо раскатывал взад и вперед, и все с удовольствием на него смотрели: мордашка у него была славная, число подбородков доходило едва ли не до восемнадцати, и кричал он очень редко, зато марался каждый час, так как задняя часть была у него на редкость слизокровна, что объяснялось как свойствами его организма, так и случайными обстоятельствами, то есть особым его пристрастием к возлияниям. Впрочем, без причины он капли в рот не брал. Когда же он бывал раздосадован, разгневан, раздражен или удручен, когда он топал ногами, плакал, кричал, ему давали выпить, и он тут же утихомиривался и опять становился спокойным и веселым мальчиком.

Одна из его нянек чествою клялась мне, что он к этому до того приохотился, что, бывало, чуть только услышит, как звенят кружки и фляги, и уже впадает в экстаз, словно предвкушая райское блаженство. По сему обстоятельству все няньки из уважения к этому божественному его свойству развлекали его по утрам тем, что стучали ножами по стаканам, стеклянными пробками по бутылкам или, наконец, крышками по кружкам, при каковых звуках он весь дрожал от радости и сам начинал раскачивать люльку, мерно покачивая головой, тренькая пальцами, а задницей выводя рулады.

Еще когда Гаргантюа находился в младенческом возрасте, отец заказал для него одежду фамильного цвета: белого с голубым. На нее положили немало труда, и была она изготовлена, скроена и сшита по тогдашней моде. На основании старинных актов, сохранившихся в счетной палате города Монсоро, я утверждаю, что Гаргантюа был одет следующим образом.

На его рубашку пошло девятьсот локтей шательродского поло-

тна и еще двести на квадратные ластовицы под мышками. Рубашка у него была без сборок, оттого что рубашки со сборками были изобретены лишь после того, как белошвейки, сломав кончики иголок, наловчились работать задним концом.

На его куртку пошло восемьсот тринадцать локтей белого атласа, а на шнуровку – тысяча пятьсот девять с половиной собачьих шкурок. Тогда как раз начали пристегивать штаны к куртке, а не куртку к штанам, что, как убедительно доказал Оккам в комментариях к Eхрoпiвiлiа магистра Шаровара, противоестественно.

На штаны пошло тысяча сто пять с третью локтей белой шерстяной материи. И скроены они были в виде колонн, с желобками и прорезами сзади, чтобы почкам было не слишком жарко. И в каждом прорезе пузырились голубого дамасского шелка буфы надлежащих размеров.

Глава XVI.
О том, как Гаргантюа
был отправлен в Париж,
на какой громадной кобыле он ехал
и как она уничтожила босских оводов.

В это самое время Файоль, четвертый царь Нумидийский, прислал Грангузье из Африки самую огромную и высоченную кобылу; какую когда либо видел свет, поистине чудо из чудес (вы же знаете, что в Африке все - необыкновенное): величиною она была с шесть слонов, на ногах у нее были пальцы, как у лошади Юлия Цезаря, уши длинные, как у лангедокских коз, а на заду торчал маленький рог. Масти она была рыжей с подпалинами и в серых яблоках. Но особенно страшен был у нее хвост: он был точь в точь такой толщины, как столп св. Марса, близ Ланже, и такой же четырехугольный, с пучками волос, торчавшими во все стороны, ни дать ни взять как хлебные колосья.

Если вас это удивляет, то еще более удивительными вам должны были бы показаться хвосты скифских баранов, весившие более тридцати фунтов, или же баранов сирийских, к крупу которых (-если верить Тено) приходится прилаживать особые тележки для хвоста, - до того он у них длинный и тяжелый. А вот у вас, потаскуны несчастные, таких хвостов нет!

Итак, кобыла была доставлена морем, на трех карраках и одной бригантине, в гавань Олонн, что в Тальмондуа.

При виде ее Грангузье воскликнул:

- Вот и хорошо! На ней мой сын отправится в Париж. Все пойдет как по маслу, ей богу! Со временем из него выйдет знаменитый ученый. Ученье, как говорится, – тьма, а неученье – свет.

На другой день Гаргантюа, его наставник Понократ со своими слугами, а также юный паж Эвдемон выпили на дорожку как полагается и тронулись в путь. День выдался солнечный и погожий, а потому Грангузье распорядился, чтобы Гаргантюа надели желтые сапоги, – Бабен именуется их полусапожками.

Во все продолжение пути они нимало не скучали и до самого Орлеана все подкреплялись и подкреплялись. Далее путь их лежал через дремучий лес в тридцать пять миль длиной и семнадцать шириной или около того. В этом лесу была тьма тьмущая оводов и слепней, представлявших собой истинный бич для несчастных кобылиц, ослов и коней. Но кобыла Гаргантюа честно отомстила за зло, причиненное всей ее родне, применив для этого способ, дотоле никому не приходивший в голову. Как скоро они въехали в указанный лес и на них напали слепни, кобыла привела в действие

свой хвост и, начав им размахивать, смахнула не только слепней, но вместе с ними и весь лес. Вдоль, поперек, там, сям, с той стороны, с этой, в длину, в ширину, снизу вверх, сверху вниз она косила деревья, как косарь траву. Словом, не осталось ни леса, ни слепней, – одно ровное поле, и ничего больше.

Гаргантюа это доставило видимое удовольствие, однако ж он не возгордился, - он только сказал своим спутникам:

– Ну, теперь здесь всякому гнусу - тубо с!

И с той поры край этот стал называться Бос.

Что же касается закусочки, то путники блохой закусили и больше не просили. И в память этого босские дворяне до сего времени закусывают блохой, да еще и похваляют, да еще и облизываются.

Наконец путники прибыли в Париж, и денька два после этого Гаргантюа отдыхал, пировал со своими друзьями приятелями и всех расспрашивал, какие тут есть ученые и какому вину в этом городе отдают предпочтенье.

И так неотступно они его преследовали, что он вынужден был усесться на башни Собора Богоматери. Посиживая на башнях и видя, сколько внизу собралось народа, он объявил во всеуслышание:

– Должно полагать, эти протобестии ждут, чтобы я уплатил им

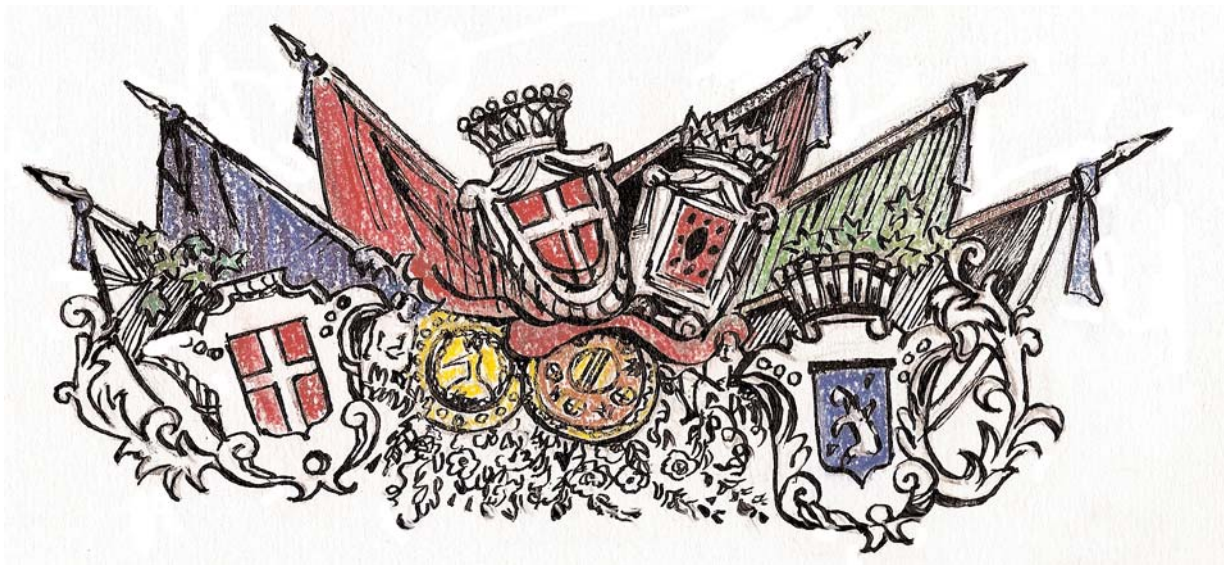

за въезд и за прием. Добро! С кем угодно готов держать пари, что я их сейчас попотчую вином, но только для смеха.

Лишь немногим благодаря проворству ног удалось спастись от наводнения; когда же они очутились в верхней части Университетского квартала, то, обливаясь потом, откашливаясь, отплевываясь, отдуваясь, начали клясться и божиться, иные – в гневе, иные – со смехом:

– Клянусь язвами исподними, истинный рог, отсохни у меня что хочешь, клянусь раками, po cab de bious, das dich Gots leiden shend, pate de Christo, клянусь чревом святого Кене, ей же ей, клянусь святым Фиакром Брийским, святым Треньяном, свидетель мне – святой Тибо, клянусь Господней Пасхой, клянусь Рождеством, пусть меня черт возьмет, клянусь святой Сосиской, святым Хродегангом, которого побили печеными яблоками, святым апостолом Препобабием, святым Удом, святой угодницей Милашкой, ну и окатил же он нас, ну и пари ж он придумал для смеха!

Глава XXV.

**О том, как между лернейскими пекарями и подданными
Гаргантюа возгорелся великий спор, положивший
начало кровопролитным войнам.**

В эту пору, а именно в начале осени, когда на родине Гаргантюа идет сбор винограда, местные пастухи сторожили виноградники и смотрели, чтобы скворцы не клевали ягод.

В это самое время по большой дороге не то на десяти, не то на двенадцати подводах лернейские пекари везли в город лепешки.

Помянутые пастухи вежливо попросили пекарей продать им по рыночной цене лепешек. А ведь надобно вам знать, что для людей, страдающих запором, виноград со свежими лепешками – это воистину пища богов, особливо «пино», «фьер», «мюскадо», «бикан» или же «фуарар»; от этого кушанья их так несет, что они иной раз не успевают донести до отхожего места, – вот почему их зовут недоносками.

Просьбу пастухов пекари не соизволили удовлетворить, – более того, они начали изрыгать на них самую зазорную брань: обозвали их беззубыми поганцами, рыжими красными – людьми опасными, ерниками, за...рями, прощельягами, пролазами, лежебоками, сластенами, пентюхами, бахвалами, негодьями, дубинами, выжигами,

побирушками, задирами, франтами – коровьи ножки, шутами гороховыми, байбаками, ублюдками, балбесами, ободуями, обормотами, пересмешниками, спесивцами, голодранцами, с...ными пастухами, г...ными сторожами, присовокупив к этому и другие оскорбительные названия и прибавив, что они, мол, хороши с отрубями да с мякиной, а такие вкусные лепешки не про них писаны.

В ответ на подобные оскорбления один из пастухов, по имени Фрожье, юноша именитый и достойный, кротко заметил:

– С чего это вы стали так нос задирать? Скажите пожалуйста! Бывало, раньше сколько угодно продавали, а нынче не желаете? Это не по добрососедски, мы с вами так не поступаем, когда вы приезжаете покупать нашу отборную пшеницу, из которой вы печете пирожки и лепешки. А мы еще хотели дать вам за них винограду в придачу! Нет, клянусь раками, вы потом пожалеете. Не зарекайтесь, вам еще придется с нами дело иметь, а мы вот так же с вами обойдемся, – тогда вы меня вспомните.

На это Марке, великий жезлоносец братства пекарей, ему сказал:

– Что это ты нынче уж больно распетушился? Видно, проса на ночь наелся. А ну, поди сюда, я тебе дам лепешку!

Тут Фрожье, ничего не подозревая, приблизился к нему и достал из за пояса монету, ибо он был уверен, что Марке продаст ему лепешек; однако вместо лепешек он получил кнутом по ногам, да так, что на них тотчас же выступили рубцы. Засим Марке попытался улепетнуть, но в эту минуту Фрожье, истошным голосом завопив: «Караул!» - запустил в него здоровенной дубиной, которая была у него под мышкой, и угодил прямо в шов лобной кости, над

правей височной артерией, так что Марке замертво свалился с кобылы.

Тем временем сбежались хуторяне, сбивавшие поблизости длинными шестами орехи, и начали молотить пекарей, как недоспелую рожь. Заслышав крики Фрожье, налетели со своими пращами другие пастухи и пастушки и принялись осыпать пекарей градом камней. В конце концов они догнали пекарей и отняли у них штук шестьдесят лепешек, заплатив им, однако ж, по обычной цене и надавав им в придачу орехов и три корзины белого винограду.

Пекари помогли тяжело раненному Марке сесть верхом, а затем двинулись, но уже не в Парелье, а обратно в Лерне, и тут с языка у

них сорвались мрачные и недвусмысленные угрозы сейийским и синейским хуторянам и пастухам. А пастухи и пастушки досыта наелись лепешек и отменного винограда, потом заиграла приятная для слуха волынка, и они начали веселиться, со смехом вспоминая заносчивых пекарей, которым так не повезло, очевидно, потому, что они нынче не с той ноги встали, а что касается Фрожье, то ему с крайним тщанием промыли раны на ногах соком простого винограда, и он тут же выздоровел.

Глава XXXIX О том, как Гаргантюа чествовал монаха

и как прекрасно говорил монах за ужином.

Как скоро Гаргантюа сел за стол и первые куски были проглочены, Грангузье повел рассказ о начале и причине войны между ним и Пикрохолом и, доведя свое повествование до того момента, когда брат Жан Зубодробитель одержал победу при защите монастырского виноградника, превознес его подвиг выше деяний Камилла, Сципиона, Помпея, Цезаря и Фемистокла. Тут Гаргантюа попросил сей же час послать за монахом, – он хотел посоветоваться с ним касательно того, как действовать дальше. Во исполнение его желания за монахом отправился дворецкий и немного погодя в веселом расположении духа с ним возвратился, причем брат Жан восседал на муле Грангузье, держа в руках перекладину от креста.

Брат Жан был встречен нескончаемыми кликами восторга, объятиями, приветствиями.

– А, брат Жан, дружище! Брат Жан, приятель! Брат Жан, черт тебя возьми, дай я тебя поцелую, дружок!

– Дай я тебя обниму!

– Пооди сюда, блудодей, вот я тебя сейчас задушу!

А брат Жан знай посмеивался. Такого милого и обходительного человека прямо поискать!

– Ну ка, ну ка, – сказал Гаргантюа, – поставьте ему скамейку вот тут, подле меня!

– Пожалуйста, куда прикажете, – сказал монах. – Паж, водички! Лей, дитя мое, лей! Это мне освежит печенку. Дай ка сюда, я попопощу себе горло!

– Deposita sarra, – сказал Гимнаст, – рясу долой!

– Боже сохрани! – воскликнул монах. – Нет, милостивый государь, это нам не положено, - in statutis Ordinis есть насчет этого особый раздел.

– В задницу, в задницу ваш раздел! – заметил Гимнаст.

– Ряса давит вам плечи, снимите ее!

– Друг мой, – сказал монах, – пусть она останется на мне, – ей Богу, мне в ней лучше пьется, от нее телу веселей. Ежели я ее скину, господа пажи наделают себе из нее подвязок, как это уже однажды со мной случилось в Кулене. Вдобавок у меня пропадет весь аппетит. А ежели я сяду за стол в этом самом одеянии, – вот тебе крест, я с легкой душой не только что за тебя, а и за твоего коня выпью! Мир честной компании! Я, правда, поужинал, но это мне не мешает есть за обе щеки, - желудок у меня луженый, он пуст внутри, как монашеский посошок, и всегда открыт, как мешок адвоката. Из всех рыб, не считая линя, говорит пословица, лучше всего крылышко куропатки или же окорочок монашки. Наш настоятель страсть как любит белое каплунье мясо.

– Этим он отличается от лисы, – заметил Гимнаст. – Лиса ни у каплунов, ни у кур, ни у цыплят ни за что не станет есть белое мясо.

– Почему? – спросил монах.

– Потому что у нее нет поваров, чтобы его варить, – отвечал Гимнаст, - а если мясо надлежащим образом не проварено, оно все будет красным, а не белым. Краснота мяса есть признак того, что оно не проварено, - исключение составляет лишь мясо омаров

и раков: их посвящают в кардиналы, когда варят.

– Свят, свят, свят! – воскликнул монах. – Стало быть, у нашего монастырского лекаря плохо проварена голова, – глаза у него красные, как миски из ольхи... Вот это заячье бедро полезно было бы подагрику. Кстати, отчего это бедра у девушек всегда бывают прохладные?

– Этим вопросом не занимались ни Аристотель, ни Александр Афродисийский, ни Плутарх, – отвечал Гаргантюа.

– Существует три причины, в силу которых то или иное место естественным образом охлаждается, – продолжал монах. – *Primo*, когда берега его омываются водой; *secundo*, если это место тенистое, темное, сумрачное, куда не проникает солнечный свет, и, в третьих, если оно беспрестанно овеивается ветрами, дующими из теснины, а также производимыми колыханием сорочки и в особенности колыханием гульфика... А ну, веселей! Паж, плесни нам еще!.. Чок, чок, чок!.. Надо Бога благодарить за такое славное вино!.. Живи я во времена Иисуса Христа, – вот как Бог свят, я бы не дал евреям схватить его в Гефсиманском саду! Черт побери, да я бы господам апостолам поджилки перерезал за то, что они испугались и убежали после сытного ужина, а доброго своего учителя покинули в беде! Хуже всякой отравы для меня те люди, которые удирают, когда нужно взяться за ножи. Эх, побыть бы мне французским королем лет этак восемьдесят или сто! Ей Богу, я бы выхолостил всех, кто бежал из под Павий! Лихорадка им в бок! Почему они, вместо того чтоб погибнуть, бросили доброго своего государя на произвол судьбы? Разве не лучше, разве не почетнее – умереть, доблестно сражаясь, чем остаться жить, позорно бежав?.. В нынешнем году нам уж гусями не полакомиться. Эй, будь другом, отрежь ка мне свининки!.. А то ведь уж давно стоит, – стаканчик то давно передо мной стоит! *Germinavit radix Jesse*. Дьявольщина, я умираю от жажды!.. А винцо то ведь неплохое! Вы что пили в Париже? Мой дом в Париже более полугода был открыт для всех, ей ей, не вру!.. Вы знакомы с братом Клавдием из Верхнего Баруа?

То то добрый собутыльник! Какая, однако ж, муха его укусила? С некоторых пор он все только учится да учится. А вот я ничему не учусь. Мы в нашем аббатстве ничему не учимся – боимся свинкой заболеть. Наш покойный аббат говорил, что ученый монах – это чудовище. Ей богу, любезный друг, *magis magnos clericos pop sunt magis magnos sapientes...* Если бы вы знали, какая в этом году гибель зайцев! Жаль, нигде я не мог раздобыть ни ястреба, ни кречета. Господин де ла Беллоньер пообещал мне сапсана, а на днях прислал письмо: птица де стала задыхаться. От куропаток в этом году отбою не будет. Ну да я не любитель расставлять силки, – как раз простуду схватишь. Если я не бегаю туда сюда, не мечусь, мне все как то не по себе. Вот только начнешь махать через изгороди да кусты – сейчас же ряса в клочья. Славной борзой я обзавелся. Уж она зайца не упустит, черта с два! Лакей вел ее к господину де Молеврие, ну, а я ее отнял. Дурно я поступил?

– Нисколько, брат Жан, – отвечал Гимнаст, – нисколько, клянусь тебе всеми чертями, нисколько!

